

ИСТОРИОГРАФИЯ

Авторы: И. Л. Беленький, Г. Р. Наумова, М. Ю. Парамонова

ИСТОРИОГРАФИЯ (от греч. ἱστορία – история и *...графия*), спец. науч. дисциплина, трактующая опыт познания истории. Изучает гл. обр. историю историч. науки (*истории*), но, наряду с ней, также и историю формирования историч. представлений в пространстве культуры, историю обществ.-политич. мысли. И. развивается в тесном взаимодействии с *архивоведением*, библиотечным делом, *исторической библиографией*, *источниковедением*, *книговедением*.

Необходимость уяснения теоретич. и методологич. составляющих науч. поиска обуславливает внимание И. к философии и *философии истории*, которые позволяют выявить влияние осн. историко-филос. концепций на историч. познание, на смену теорий науч. познания. И. наблюдает за развитием и изменением историч. концепций на материале конкретных историч. трудов. И. как учебная дисциплина также нацелена в первую очередь на изложение историч. концепций. К предмету И. относятся исследовательские школы, традиции, практика науч. преемственности, эмпирическая составляющая историч. исследований, складывание и развитие их проблематики, анализ источниковедч. и историографич. фундамента трудов историков. К этому комплексу задач примыкает и раскрытие приёмов историч. исследования, и освещение истории развития методов и способов истолкования историч. источников.

Понятия «историограф» и «историк», «И.» и «история» в период становления истории как науки использовались как синонимы (напр., в 18 – нач. 19 вв. офиц. звание историографов имели Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, которые занимались «писанием

Историографические труды по
всеобщей истории.

Фото А. И. Нагаева

истории»). Аналогичное словоупотребление встречаем и у зарубежных авторов (напр., итал. философ и историк Б. [Кроче](#) употребляет понятие «И.» для обозначения процесса

историч. познания, в качестве предмета анализа он определяет историю и теорию И.). Предмет И. изменяется с развитием самой историч. науки, расширяя свои границы, его понимание имеет свои особенности в различных историч. школах и традициях.

Встречается и др. определение И. – совокупность историч. сочинений, отображающих события и явления прошлого, появившихся в тот или иной период или посвящённых той или иной историч. эпохе или проблеме, история и теория историч. знания.

Историография античности и европейского Средневековья

Античная И. охватывает период с 5 в. до н. э. до 5 в. н. э. Её начало уходит в эпоху формирования классич. греч. культуры, связанной со становлением рационалистич. философии и особого типа словесности, основанной на строгих риторич. принципах. Своими формами познания мира и нормативной упорядоченностью лит. творчества эта культура порывала с предшествующими формами мифологич. сознания и мифопоэтич. творчества, решительно отличалась от др. культур древности. Именно в рамках греко-лат. традиции сформировалось представление об И. как особой форме лит. текста, гл. чертами которого является достоверное повествование о событиях прошлого, изложенных в хронологич. последовательности и отобранных в соответствии с критериями истинности и правдивости. Историч. сочинение изначально определялось как результат одновременно и исследовательских усилий (именно идея изыскания, поиска определила семантику понятия «история» уже в первом крупном историч. нарративе – «Истории» Геродота), и собственно лит. труда.

Как лит. произведение, история должна была выглядеть совершенной с точки зрения риторики, она должна была доставлять удовольствие читателю, развлекать и поучать его. По этой причине критерий правдивости легко заменялся правдоподобием, а в текстах нередко употреблялись чисто литературные стилистич. приёмы, такие как

вымышленные речи и диалоги, домысливание недостающих сведений, стилизация образов героев или картин жизни людей в соответствии с воззрениями авторов. Вместе с тем идея о том, что правдивость является неременным и обязат. условием историч. сочинения, заявленная «отцом истории» Геродотом и специально проблематизированная вторым великим основателем жанра, Фукидидом, была прочно укоренена в сознании античных авторов.

Античная И. отражает важнейшие черты историч. сознания этой культуры. К ним можно отнести уверенность в принципиальной познаваемости природного, в т. ч. и человеческого, мира и возможности его разумного объяснения. Сочинения античных историков выполняли дидактич. задачи, представляя публике убедительные образы добродетельного и дурного поведения как отд. выдающихся личностей, так и целых народов. История, будучи особым жанром античной лит-ры, в то же время в ряде случаев сближалась с биографией в своих функциях морального поучения на примере историч. личностей.

Обращение к созданию историч. сочинений, о чём свидетельствует пример всех наиболее значит. греч. и рим. авторов, было вызвано актуальными проблемами политич. жизни и желанием понять их причины и возможные последствия. Не случайно осн. содержание историч. сочинений составляли факты политич. истории: войны, важные гос. решения, борьба политич. партий, деяния правителей и политиков. В целом для историч. сознания греков было характерно отсутствие представлений об изменчивости общества во времени. Историч. динамика определялась внешними факторами: войнами, политич. борьбой, состояниями упадка или процветания, но не изменением самой природы обществ. жизни.

Однако не только включённость в актуальную жизнь заставляла представителей социальных и политич. элит (из круга которых вышли практически все известные историки античности) писать историч. сочинения, но и непосредственное живое любопытство к жизни своего сообщества и окружающих народов. Само рождение истории в ионийских греч. колониях было обусловлено широкими контактами греков с соседними народами, а создание «Истории» Геродота напрямую связано с его интересом к противнику по [греко-персидским войнам](#).

Уже в самом начале формирования И. как особой формы интеллектуальной и лит. деятельности был поставлен вопрос о её познават. возможностях; в частности, [Аристотель](#) определил ей место в кругу эмпирич. наук, заявив, что история занимается вещами отдельными и единичными, а потому, в отличие от философии, не может претендовать на выведение универсальных обобщений. Наконец, уже в эту эпоху обозначилось различие между двумя формами историч. изысканий и сочинений – между пространными нарративами, с одной стороны, и частными исследованиями – с другой.

Завершение эпохи античной И. совпало не только с распадом и крахом Рим. империи, но и с формированием новой, христианской концепции историч. развития и способов объяснения историч. процессов. Создание в 4–5 вв. христианской модели универсальной истории, опиравшейся на библейские схемы и исходившей из дуалистич. единства земной истории народов и священной истории Божественного предопределения, сыграло важнейшую роль в будущем развитии ср.-век. европ. и визант. И. Вместе с тем как европ., так и визант. И. наступившей эпохи не потеряла живых связей с традициями греко-рим. историописания. Первые универсальные христианские истории ([Евсевий Кесарийский](#), [Орозий](#)), основываясь на опыте библейского повествования о действии Бога через историч. существование избранного народа, в то же время прямо отсылают и к формам и приёмам античных историч. сочинений. В последующие столетия развития ср.-век. И. связь с античной традицией проявлялась в самых разных аспектах: в сохранении осн. жанров античной И. (анналы, хроники, хронографы, истории); в широком использовании трудов античных историков для риторич. украшения или прояснения смысла описываемых событий; в верности принципам достоверности и хронологич. последовательности повествования; в преимущественном внимании к фиксации совр. событий или недавнего прошлого, сведения о которых должны быть сохранены для потомков.

Ср.-век. историч. сочинения были многочисленны и разнообразны по своей тематике. Они включали произведения разных жанров: анналы, хроники, биографии и автобиографии, истории отд. светских и церковных сообществ, генеалогии правящих и аристократич. династий. По своему содержанию и функциям с собственно историч. сочинениями смыкались агиографич. тексты: жития содержали повествование не

только о самих святых, но нередко и широкий очерк истории того сообщества или местности, с которыми святой был связан при жизни или после смерти. Ср.-век. авторы широко использовали устную традицию – предания и устные свидетельства современников, отдавали безусловный приоритет сведениям очевидцев, наиболее подробно описывали события, современниками которых они были. Письм. источники использовались механически, историч. сочинения во многом носили компилятивный характер, причём авторы стремились использовать труды предшественников с макс. точностью, переписывая большие фрагменты текста. Отбирая письм. источники, они руководствовались прагматич. принципом доступности тех или иных текстов, с одной стороны, и принципом авторитетности того или иного сочинения, подтверждённой традицией и памятью конкретного сообщества, – с другой. Понятие авторитетного источника и авторитетного суждения было одной из важнейших категорий ср.-век. сознания, в т. ч. и историографич. традиции. Главным и безусловным авторитетным текстом Средневековья было Священное Писание. Содержащиеся в нём сведения не подвергались сомнению. Кроме того, они служили гл. источником для истолкования реальных событий и историч. персонажей. Универсальная эпистемологич. процедура ср.-век. И. определяется понятием «мимесиса» – уподобления реальных событий и людей тем или иным библейским прототипам. В фактах земной жизни видели лишь внешнее выражение универсальных идей и отражение божественного провидения.

В историч. сочинения редко попадали сведения о социальной или хозяйств. жизни, их авторов в первую очередь интересовали информация о значимых событиях, происходивших в сфере политич. или церковной жизни, деяния могущественных людей – светских правителей или князей церкви. Ср.-век. И. сохраняла и характерную для античности функцию морального наставления.

Историография европейского раннего Нового времени и Просвещения (15–18 вв.)

Развитие Европы в 15–18 вв., отмеченное значит. социально-культурными явлениями, такими как Ренессанс, Реформация и Просвещение, характеризуется радикальным переустройством всего её конфессионального, политич. и интеллектуального пространства.

Среди наиболее важных явлений 15–18 вв., повлиявших на последующее формирование истории как совр. науки, было возникновение новых практик изучения историч. памятников. В первую очередь следует отметить формирование приёмов историч. филологии, лёгших в основу совр. критики историч. источников. Историко-филологич. исследования сложились в контексте и в связи со стремлением итал. гуманистов возродить высокие стандарты классич. античной культуры и словесности. Они сформулировали новые представления об историч. процессе (идея развития и изменчивости, понятия расцвета и упадка культуры, концепт «средний век») и начали использовать новые техники работы с текстами, позволявшие отличать классич. тексты от ср.-век. подделок. Первый пример использования методов филологич. критики в целях установления историч. правды – сочинение Л. [Валла](#) «Трактат о подложности Константинова дара» (ок. 1440), в котором доказывалось, что ни с историч., ни с филологич. точки зрения один из самых известных ср.-век. документов не мог быть написан в эпоху имп. Константина и папы Сильвестра I. Историко-филологич. исследования этого времени осуществлялись преим. на материале античной лит-ры и новозаветных текстов, которые впервые подверглись проверке с точки зрения соответствия Вульгаты греч. оригиналу, а результаты исследований гуманистов были использованы при подготовке протестантами собств. редакций Нового Завета. Таким образом, не только доказывалась возможность установления подлинности текстов с помощью изучения их литературно-языковых особенностей, но и выявлялось значение изучения отд. рукописей для обнаружения оригинальной версии сочинения (Э. Барбаро, в работах которого видят истоки будущей текстологии). Др. новаторской техникой в работе историка, направленной на выяснение достоверности используемых им источников, стала методика установления аутентичности ср.-век. документов, впервые разработанная учёным-бenedиктинцем Ж. [Мабильоном](#) («De re diplomatica», 1681). В сущности, это была первая убедительная апология истории как науки, способной подтвердить истинность своих утверждений.

Ещё одной примечательной новацией историч. работы стало последовательно развивавшееся на протяжении этих столетий стремление аккумулировать как можно больше памятников прошлого, в чём видели возможность лучше узнать его.

Деятельность, связанная с собиранием, описанием и изучением древностей, имела

своей важнейшей составной частью поиск и публикацию ср.-век. письм. текстов, включая памятники правового и делового характера. В Англии в центр внимания попали памятники англосаксонской эпохи; нем. протестанты разыскивали историч. сочинения, пытаясь объяснить особенности развития герм. государственности и церкви; изучение правовых текстов франц. юристами, призванное объяснить различие правовых систем, существовавших в сев. и юж. частях королевства в 16 в., дало толчок к развитию правовой и институциональной истории; иезуиты и бенедиктинцы начали систематич. работу по поиску и публикации текстов, касающихся церковной истории. Это стремление собирать памятники прошлого произрастало из столь свойственного гуманистам эрудитского интереса к древностям и из восприятия истории как эффективного оружия в эпоху острых конфессиональных и политич. конфликтов.

Эрудиты стали первыми представителями историч. науки в разнообразных науч. обществах 17 в., созданных для развития эмпирич. и естеств. наук. Восприятие истории как эмпирич. науки, опирающейся на конкретные факты, способной устанавливать их достоверность и воссоздавать на их основе реальные события, родилось из кропотливой усердной работы антикваров и эрудитов, оплодотворённой теоретич. рефлексией раннего Нового времени. Утверждения об обязанности истории устанавливать подлинность фактов и событий и рассматривать их во всей полноте можно найти в размышлениях Ж. [Бодена](#), Ф. [Патрици](#), Ф. [Бэкона](#) и др.

Исследование древностей и написание истории существовали как две отдельные и во многом изолированные практики познания прошлого, определяемые собств. задачами и приёмами его реконструкции. Ф. Бэкон подразделял историч. знание на «совершенную» и «несовершенную» историю, относя к первой повествования о значимых событиях и выдающихся гос. деятелях, а ко второй – усилия антикваров и эрудитов, подготавливавших рабочий материал для первых. Подавляющая часть историч. трудов 15–17 вв. сохраняла прямую преемственность с практиками ср.-век. хронистов, они были компилятивными и придерживались хронологич. последовательности как осн. принципа организации повествования. Лишь отд. выдающиеся сочинения эпохи (ценность которых признаётся и совр. научной И.) отмечены пристальным вниманием авторов к проблемам отбора источников и

установлению истинности сообщаемых ими сведений.

Вплоть до 17 в. занятия историописанием были осложнены весьма строгим и почти повсеместным цензурным надзором: авторам приходилось следить, не угрожают ли их сочинения интересам церковных или светских властей. В этот период ещё находящаяся в зачаточном состоянии науч. И. получила своих первых мучеников: учёных, пострадавших за обнародование неугодных властям и церкви историч. сведений или суждений.

Тогда же заметно возрос интерес публики к историч. сочинениям, изменился социальный профиль создателей и читателей историч. трудов – эти занятия перестали быть прерогативой духовенства и церкви и переместились в светскую среду интеллектуалов и образованных мирян. Содержание историч. сочинений всё более определялось отходом от церковно-религ. проблематики в сторону светской жизни (т. н. секуляризация истории).

В условиях формирования в 16–17 вв. концепции науки как особой сферы человеческой деятельности, обладающей бесспорной пользой для общества, способной самостоятельно определять собств. предмет, цели и методы работы и убедительно доказывать истинность своих выводов, история была объявлена занятием, не подпадающим под это определение. Р. [Декарт](#), самый авторитетный теоретик рационального науч. знания, скептически относился к возможностям получения достоверного историч. знания, что, безусловно, отражает наблюдения над совр. практиками историописания. Историч. сочинение оценивалось в соответствии с критериями собственно лит. труда: хороший язык, соблюдение риторич. конвенций, занимательность. Ради лит. привлекательности по-прежнему нередко жертвовали правдивостью. Грань между вымыслом и домысливанием, достоверностью и правдоподобием оставалась подвижной и определялась на уровне личной интуиции. Если Аристотель отводил истории невысокое место в своей иерархии наук, поскольку она занималась частными вещами, не отвечая на вопрос об универсальных законах, то новая эпоха упрекала её в отсутствии чёткого понимания своего предмета и метода, единственно способных подтвердить достоверность и объективность добываемого ею знания. Следует отметить, что этот период отмечен и отсутствием к.-л.

решительных переломов в сфере осмысления общих закономерностей историч. процесса. Провиденциалистская концепция христианской И. более или менее явно уступала место рациональному и секуляризов. объяснению причинно-следственных связей.

Постепенно укоренялось представление об истории как процессе изменения и развития, однако только в 18 в. произошло превращение этих идей в новые целостные концепции историч. процесса. Вместе с тем 18 в. примечателен активным использованием историч. сведений как материала для определения универсальных принципов организации человеческих сообществ, моделирования разл. типов социальной организации и механизмов их изменения, обладавших безусловной оригинальностью по сравнению с предыдущими формами политич. и социальной рефлексии.

История как общая система знаний и представлений о прошлом получила в эту эпоху ряд важных филос. моделей историч. процесса и разнообразия форм социального устройства («философская И.»). Именно они стали инструментом окончательного вытеснения религ. парадигмы спасения и предопределения на периферию рациональных схем объяснения истории как динамич. процесса.

Филос. И. 18 в. была вызвана к жизни общим прогрессом естественно-научного знания и стала ответом на требование сформулировать общие законы развития общества. К числу важнейших идей можно отнести концепцию единства человеческой истории, возможность убедит. обобщений о природе отд. обществ или историч. периодов, понимание историч. динамики как прогресса человеческой культуры и цивилизации. Интеллектуальный арсенал историков пополнился концептами культуры и цивилизации, историч. эпохи, общества как совокупности разл. факторов, находящихся в сложных и многообразных взаимоотношениях. Б. ч. сочинений подобного рода возникла в ходе полемики с противниками из церковных кругов или соперничающего политич. лагеря. Их значение, тем не менее, не ограничивалось решением конкретных политич. задач, поскольку впервые под вопрос была поставлена авторитетность любых суждений и высказываний.

Самой популярной и оказавшей наибольшее воздействие на всю последующую европ.

И. и историч. философию была теория прогресса. Прямым её выражением стала работа франц. философа М. Ж. [Кондорсе](#) «Эскиз картины прогресса человеческого разума» (1794). История человечества трактовалась им как линейный процесс, содержание которого составляло последоват. движение ко всё более разумному устройству общества. Она была разделена им на 9 периодов, переход к каждому из которых характеризовался каким-то значимым достижением в сфере интеллектуального развития или науч. открытием. Он предсказывал, что люди стоят на пороге последней, 10-й эпохи, которая будет отмечена невиданным ранее торжеством разума и науки, что позволит создать подлинно счастливое общество, основанное на справедливости, равенстве людей и процветании торговли. В истории он увидел источник просвещения человечества, способ преподнести ему урок и направить его развитие в нужном направлении. Подобное отношение к истории было характерно для франц. энциклопедистов, видевших в ней преим. источник дидактически значимых примеров. Единственным очевидным противником теории прогресса в среде философов-просветителей был Ж. Ж. [Руссо](#), считавший, что идеальным является лишь начальное естеств. состояние людей, прогресс разума осуществляется за счёт др. свойств человеческой природы, а цивилизация приводит к разрушению «естественного состояния» человека.

Параллельно и зачастую вне связи с теорией историч. прогресса развивались и иные формы социально-филос. рефлексии, которые отвечали потребности объяснить существование разл. типов человеческих сообществ. Попытка объяснить разнообразие форм социального устройства, нравов и обычаев, согласовав его с идеями единства человеческой природы и решающей роли разума в развитии человечества, была предпринята Ш. Л. [Монтескье](#) в трактате «О духе законов». Как никто ранее, он обратил внимание на разнообразие факторов, влияющих на общество, из которых главным считал природную среду обитания.

В отличие от теории прогресса, сосредоточенной на выяснении универсальных для всего человечества механизмов развития, концепции культуры переносили центр внимания с внешних признаков разл. обществ на их глубинное своеобразие, искали механизмы их историч. развития в сложном взаимодействии присущих им черт духовной жизни и обычаев. Идеи совр. И. предвосхитила работа «Основания новой

науки об общей природе наций» (1725) итал. философа Дж. [Вико](#), рассматривавшего каждое конкретное общество как сложную систему разл. явлений, находящихся между собой в тесном и многостороннем взаимодействии. Познание истинной природы общества заключалось в исследовании не только отд. элементов духовной или социальной жизни, но и в понимании принципов их взаимного влияния и взаимоотношений. Вико, отвергая рационалистич. уверенность в универсальности и всемогуществе разума, предложил альтернативную универсальной теории прогресса модель объяснения механизмов перехода общества из одной стадии развития в другую, полагая, что их следует искать в изменении отд. сторон социального сознания и способах их воздействия на общество в целом. Столь же решительно он оспаривал и представления об иерархии отд. этапов развития общества, заместив их идеей самоценности отд. эпох и обществ. Идеи Вико повлияли на концепцию многообразия культур И. Г. [Гердера](#), который ввёл различие между просвещенческим концептом цивилизации (универсального процесса усовершенствования и преобразования общества) и культурой как исторически сформировавшейся системой ценностей и обычаев. Каждому народу присуща его собств. культура, и именно в ней следует искать объяснение особенностей его историч. развития, не сводя их к пути, пройденному европ. обществом. Гердер, как и Вико, замещал концепцию линейного прогресса человечества образом циклич. развития каждой отд. культуры.

В 18 в. создано неск. выдающихся историч. трудов, в которых совмещалось широкое эрудитское знание конкретного историч. материала с его осмыслением в рамках новых концепций прогресса и развития. Гл. произведением И. эпохи Просвещения, на многие годы сохранившим статус образцового историч. сочинения, стала работа Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (т. 1–6, 1776–88). В этой работе традиц. понимание историописания как лит. и дидактич. труда сочетается с широким использованием разнообразных историч. источников и толерантным отношением к осн. историко-филос. объяснит. схемам.

Научная европейская историография 19–20 вв.

19 в. называют веком истории, поскольку в этом столетии проявилась совокупность важных и разнородных тенденций, прямо сказавшихся на статусе И., внутр.

принципах её конституирования и общих принципах развития. Для этого периода характерно движение от общего возрастания интереса к прошлому в культуре романтизма к окончательному превращению истории в академич. науку с собств. методом и правилами аргументации, налаженной системой образования и институализацией проф. деятельности. В 19 в. к утверждению о способности историч. исследований приходиться к оправданным заключениям о закономерностях и причинно-следственных связях событий добавилось использование теоретич. опыта др. социальных наук и последующее стремление доказать способность истории к самостоят. генерализациям. Наконец, это столетие открыло эпоху теоретич. и методологич. рефлексии о природе и перспективах историч. знания, без которой начиная с сер. 20 в. стала невозможна работа в области исследования и написания историч. трудов.

Период становления собственно науч. И. и истории как академич. науки начался с усиления интереса к истории в нач. 19 в., вызванного событиями Французской революции 18 в. и наполеоновских войн. Впервые внимание историков было обращено на изучение народа как субъекта истории и поиск причин историч. событий в поведении массовых сообществ (О. [Тьерри](#), Ф. [Гизо](#), Ж. [Мишле](#)). Культура романтизма принесла с собой и глубокий интерес к Средневековью, которое стали воспринимать в качестве эпохи, когда человеческое сознание и мотивы поведения глубоко отличались от современных. Средневековье идеализировалось романтиками как время открытого проявления людьми своих страстей и эмоций и противопоставлялось современности, основанной на рациональности и регламентации поведения индивида. Культура романтизма не только реабилитировала Средневековье, но привнесла в понимание прошлого принцип [историзма](#), а именно осознание того, что отд. общества и эпохи различаются не только теми или иными формальными параметрами, но всем строем жизни и мысли людей. Просвещенческая концепция прогресса была вытеснена идеей органич. развития общества. И. начала 19 в. сохраняла мн. традиц. недостатки предыдущих эпох: литературность, компилятивность, отсутствие чёткой границы между верифицируемой достоверностью и вымыслом. Методы критич. анализа историч. памятников и их тщательного изучения по-прежнему оставались уделом эрудитов или специалистов по античной лит-ре и не воспринимались создателями

историч. трудов как обязат. основание их работы.

Настоящий перелом в понимании И. как проф. науч. деятельности произошёл лишь во 2-й трети 19 в. и связан с деятельностью Л. фон Ранке и распространением введённых им правил и приёмов историч. исследования и историч. образования в Европе. Примечательно, что и сам Ранке, и создатель завершённой системы науч. критики источников Б. Г. Нибур были воспитаны на опыте классич. исследований, со времени Возрождения занимавшихся совершенствованием приёмов изучения и интерпретации древних текстов. Провозгласив гл. задачей историка точность в реконструкции прошлого, Ранке поставил в центр его работы лит. и историч. критику источников, полноту и точность их отбора, необходимость с макс. точностью установить достоверность используемых сведений. Он полагал, что история складывается из развития отд. людей, народов и государств, которые в совокупности формируют процесс развития культуры. Ранке считал, что история – это целостный и закономерный процесс, в основе которого лежит действие скрытого от людей божественного предопределения, а оправдание действительности следует искать в преемственности и непрерывности развития культуры. Используя понятие «исторической жизни» народов, он считал самой совершенной формой её воплощения совр. государства и их взаимоотношения. Ранке, определяя долг историка как точное, объективное и беспристрастное воссоздание прошлого, исходил из идеи религ. ответственности, максимально правдивого и достоверного раскрытия замысла Бога, отражённого в фактах человеческой истории. Сформулированные им принципы историч. исследования Ранке положил в основу своей преподавательской деятельности, а созданный им науч. семинар, посвящённый техникам источниковедч. работы, стал в течение 2-й пол. 19 в. осн. формой подготовки проф. историков.

Научная И. этого времени, получившая наименование позитивистской, прочно стояла на фундаменте историко-критич. метода (обобщён в классич. труде Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории», 1898). Трактовка задач И. как максимально достоверного и объективного воссоздания прошлого во всей полноте известных фактов прочно закрепила за историей статус эмпирич. науки; спор шёл о способности истории самостоятельно выводить общие закономерности историч. развития. Позитивистская философия, расцвет которой пришёлся на 2-ю пол. 19 в.,

давала историкам уверенность в том, что накопление максимально достоверных фактов способно само по себе приводить исследователей к выводам об универсальных закономерностях эволюции человечества. Вместе с тем в общей системе бурно развивавшегося социального знания преобладало убеждение, что историч. исследование способно лишь поставлять достоверные факты для др. наук об обществе, занимающихся выяснением общих закономерностей его устройства и развития. Обобщающие концепции универсального историч. развития, дающие целостное представление о природе, целях, законах и направлении человеческого развития (теории Г. В. Ф. [Гегеля](#), К. [Маркса](#)), не находили прямого применения в позитивистской историографии. В сущности, как таковое историко-критич. исследование не нуждалось в теоретич. рефлексии, однако потребность в генерализациях и обобщениях возникала тогда, когда историки сталкивались с необходимостью создания нарративов, охватывающих большой объём накопленных фактов или длительные историч. периоды. К концу столетия большое влияние на историю стало оказывать развитие экономич. исследований: это привело не только к формированию экономич. истории как особой отрасли И., но и к популярности теорий экономич. детерминизма, заставлявших видеть именно в сфере экономики осн. механизм эволюции человеческого общества.

Признание и распространение историко-критич. метода во 2-й пол. 19 в. встретилось с интеллектуальной оппозицией, возникшей в кругу философов и социологов, а затем и проф. историков. С точки зрения последующего развития методологии истории, размышлений о её предмете и методах чрезвычайно важной была критика истории Ф. [Ницше](#). Его взгляды определялись пессимизмом в отношении как пользы историч. знания для современности, так и его способности правдиво и объективно воссоздавать прошлое. Поверхностно понятые современниками идеи Ницше оказались востребованы в полемике о границах, принципах и функциях историч. познания, развернувшейся во 2-й пол. 20 в. и не стихающей и доньяне. В нём видят родоначальника идей о невозможности объективного историч. знания, неизбежно окрашенного личными и идеологич. пристрастиями, а следовательно, субъективными оценками прошлого.

Большую актуальность имела критика, исходившая со стороны практикующих

историков, особенно историков культуры: они осознавали, что для описания культурных феноменов в их развитии и воздействии на жизнь общества неприемлемы как рационалистич. концепции эволюции и прогресса сознания, так и детерминистские и универсальные социологич. или экономич. модели. Нем. историкам принадлежала осн. заслуга в том, что в саму ткань конкретно-историч. исследований стали проникать рассуждения о важности понимания мотивов человеческого поведения, их связи с проблемами формирования ценностей и идей, о соотношении индивидуального и массового сознания. Нем. историки кон. 19 – нач. 20 вв.

(Л. Brentano, К. Böhler, К. Lamprecht) широко использовали концепт культуры, понятой как сложная совокупность идей, ценностей, представлений, в осуществлении экономич. и социальных исследований, создав новые направления в И., альтернативные как традиц. политич. истории в духе Л. фон Ранке, так и позитивистской социологии. Выдающийся историк античности Э. [Мейер](#) выступил с резкой критикой представлений о реальном существовании законов историч. развития, считая, что любые генерализации, касающиеся историч. закономерностей, являются всего лишь интеллектуальными построениями, существующими не в реальности, а только в сознании исследователей, упорядочивающих эмпирич. опыт.

Начало радикального переворота в понимании специфики историч. исследования, последствия, а возможно, и прямое продолжение которого представлены и в совр. дискуссиях о методологии истории, связано с широкой полемикой о природе гуманитарных и социальных наук. Эта полемика, инициированная сторонниками нем. философов-неокантианцев, ставила своей целью точную дифференциацию естеств. наук и наук о культуре через определение специфики их исследовательских методов, убедительности выводов и способности к созданию универсальных теоретич. обобщений. Несмотря на глубокие различия взглядов участников этого спора (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер, Э. Мейер), дискуссия позволила провести границу, отличающую совр. методологию гуманитарного знания от позитивистской. Было показано, что социальные феномены, являющиеся предметом историч. исследования, принципиально по самой своей природе отличаются от явлений, изучаемых естеств. науками; они отражают разл. стороны человеческой деятельности и, следовательно, не могут быть объяснены без понимания породивших

их мотивов. Признание индивидуальности, единичности любого историч. факта лишает историков права претендовать на построение неких универсальных и объективных законов истории: они вынуждены признавать изначальную условность как используемых аналитич. категорий и концептов, так и любого обобщения или теоретизирования, сопровождающего изучение конкретного эмпирич. материала. Наконец, в ходе этих споров была поставлена под вопрос сама объективность историч. исследования: история как наука о ценностях не могла быть свободна от оценочных суждений, приносимых самим исследователем и связанных с его личным субъективным опытом. Эта полемика оставила открытыми важнейшие вопросы, такие как конкретные границы эмпиризма и теоретизирования в историч. исследовании, допустимая мера использования историком инструментария и понятийного аппарата др. социальных наук (социологии, психологии, экономики), роль интуиции учёного в интерпретации фактов. Свобода выбора при ответе на эти вопросы стала неотъемлемым индивидуальным правом историков 20 в., а необходимость решать их – частью проф. деятельности.

В 20 в. И. отмечена чрезвычайным разнообразием в силу разл. факторов: расширения проблематики и тематики исследований, широкой возможности выбора методологич. парадигмы, использования достижений др. социальных и гуманитарных наук, наконец, признания критич. рефлексии по вопросам методологии неотъемлемым элементом и даже отд. отраслью историографич. деятельности. Стремление к новизне стало гл. чертой всех появившихся во 2-й пол. 20 в. новых историографич. течений. Нередко декларативный характер этих притязаний не противоречил тому, что они открывали дорогу действительно серьёзной критике любых самых авторитетных историографич. школ и направлений, ставили в центр внимания проблемы, ранее не занимавшие историков, наконец, приводили к внедрению в исследование новых техник, а в язык историч. нарративов – новых понятий и концептов.

Среди важнейших явлений И. 20 в. следует отметить следующие течения: разнообразные направления социально-культурной и культурной истории (герм. «история идей» и «история культуры»; «история ментальностей»; «новая интеллектуальная история», «культурная история социального», «история

дискурсов»); генерализирующая социально-структурная история ([«Анналов» школа](#), европейская и отчасти сов. марксистская социальная история); историч. и культурная антропология, история ритуалов и репрезентаций, объединённые широким использованием приёмов семиотич. и антропологич. анализа в изучении социальных, политич. и религ. феноменов прошлого; т. н. постмодернистская критика, заострившая проблему лит. природы как историч. источников, так и самих науч. сочинений; микроистория, поставившая в центр исследовательского интереса изучение отд. частных явлений прошлого. Все эти направления допускают самое широкое варьирование исследовательской тематики и приёмов. Границы между ними подвижны, а пути эволюции или взаимоотношения между разными поколениями – зачастую непредсказуемы. Общее для них – это сознательное дистанцирование от традиц. критич. И., представленной в заданной Л. фон Ранке модели политич. и событийной истории. Кроме того, в совр. И., как правило, сознательно избегают использования обобщающих концепций историч. процесса.

Изменение роли государства, статуса женщин, способов коммуникации и распространения информации, отношения к социальным меньшинствам и мн. др. важные процессы и проблемы современности неизбежно находят отклик в тематике историч. исследований: изучении функций и символики власти, методов социального контроля, положения и восприятия женщин или меньшинств в прошлом, механизмов социальной коммуникации и трансляции информации.

Российская историография

Внимание рос. историков всегда было сосредоточено в первую очередь на опыте постижения отеч. истории, так образовались направления «историография истории России» («русская историография», «историография России»), «историография истории СССР».

Элементы И. в совр. понимании этого слова возникли издавна: уже др.-рус. летописцы были в значит. степени историографами. И. зарождается вместе с историч. наукой в 18 в. как её составная часть (в сер. 18 – 1-й четв. 19 вв. очерки о трудах предшественников включали в предисловия к своим сочинениям В. Н. Татищев, Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов, И. П. Елагин, А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин и др.). Вместе с тем

И. ещё долго не рассматривалась как самостоят. отрасль науч. историч. знания. Значит. роль в подготовке справочной базы И. сыграли библиографич. и биографич. сочинения А. Б. Селлия, Н. И. Новикова, Евгения (Е. А. Болховитинова), Н. Н. Бантыш-Каменского, А. К. Шторха, Ф. П. Аделунга и др. Дисциплинарному оформлению отеч. И. содействовала историко-лит. полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 1–12, 1818–29). Одновременно закладывались начала т. н. персонологической И., собиравшей и издававшей наследие историков («Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя», ч. 1–2, 1827). Во 2-й четв. 19 в. развивался жанр критич. ежегодных обзоров историч. лит-ры (К. Д. Кавелин, М. П. Погодин, А. Н. Афанасьев). Тогда же постепенно термины «И.» и «история» получили дополнит. толкование: под И. начали понимать уже не собственно исследование прошлого, а историю самого этого исследования. Появилась терминология дисциплины. В 1830–1840-х гг. методологич. вопросы И. рассматривались представителями «скептической школы», основанной М. Т. Каченовским. В 1845 вышли работы А. В. Старчевского («Очерк литературы русской истории до Карамзина»), который стремился выяснить эволюцию форм историч. сочинений, и А. В. Александрова («Современные исторические труды в России»). Значит. интерес к И. обнаружился в идейных спорах славянофилов и западников в 1840–50-х гг.

Собственно историографич. подходы начинались с интерпретации ср.-век. духовных и историч. сочинений как проявлений рус. самосознания, с которым очевидно связана отеч. И. Изучая ср.-век. лит-ру, С. П. Шевырёв («История русской словесности...», ч. 1–2, 1846, ч. 3, 1858, ч. 4, 1860) воспринимал её как отражение духовного опыта народа и использовал «исторический способ изложения»; труд М. О. Кояловича так и назывался – «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884).

Во 2-й пол. 19 в. в качестве самостоят. объекта анализа стали рассматриваться И. античности, И. Средневековья, И. Возрождения, И. Просвещения, И. романтизма, И. позитивизма и т. д. Тогда же впервые было отмечено существование спец. и нац. историографий, под которыми понималось изучение состояния и развития историч.

знаний в рамках отд. историч. периодов и разл. направлений и традиций (напр., И. Нового времени стран Европы и Азии). Как отд. направление оформилась и проблемная И., занятая анализом изучения конкретной историч. проблемы; часто она сближалась с историч. библиографией.

В отеч. традиции предмет И. примыкает к историч. источниковедению. «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова (т. 1, кн. 1–2, т. 2, кн. 1–2, 1891–1908) целиком направлен на критич. рассмотрение источников и лит-ры по отеч. истории в их постепенном развитии. Во 2-й пол. 19 в. возникла традиция науч. портретирования. Число публикаций, посвящённых трудам отд. историков, резко увеличилось с 1850-х гг. В этом отношении непревзойдённым остаётся труд Н. А. Попова «В. Н. Татищев и его время» (1861). Галерея портретов учёных-историков 18–19 вв. была создана С. М. Соловьёвым, К. Н. Бестужевым-Рюминым (первый из рос. историков, в творчестве которого И. заняла центр. место), В. О. Ключевским и др. Воспринимая И. как совокупность трудов, историки подчёркивали, что историографич. анализу могут быть подвергнуты как историч. сочинения целиком, так и их отд. элементы, но при этом не должен быть утрачен, по словам Ключевского, «основной смысл» историч. развития, объединяющий все гл. явления историч. жизни. Так историографич. подходы связывались с общим контекстом историч. развития.

Завершение процесса становления И. как самостоят. науч. дисциплины произошло в 1890–1910-х гг. и связано с работами В. С. Иконникова, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского. Последний предложил методологически корректный анализ проблем периодизации историч. науки и рассмотрел происхождение науч.-историч. школ.

Уже с кон. 19 в. предмет И. включал рассмотрение форм организации историко-науч. исследований, организационных условий развития науки и получения историч. знания. В пространстве историографич. рассмотрения оказались структура науч. учреждений, архивов, библиотек, история науч. обществ, система подготовки и состояние науч. кадров, система популяризации историч. знаний, публикация историч. источников, объективные обществ.-политич. и социально-экономич. условия развития науки.

Труды по русской и советской историографии.

Фото А. И. Нагаева

К рубежу 19–20 вв. сложились отчётливые представления о составе корпуса историографич. источников, дополненные и уточнённые в методологич. разработках последующих десятилетий. К таким источникам были отнесены ранние формы историоописания (прежде всего летописи), труды проф. историков и подготовит. материалы к ним; публицистич. сочинения, мемуары, дневники и переписка историков; документация научно-

историч. учреждений, организаций и обществ; учебная и научно-популярная историч. лит-ра; научно-историч. периодика; произведения худож. лит-ры и изобразит. иск-ва на историч. темы. Одновременно наметилась тенденция включать в сферу историографич. анализа также и филос. произведения, проявления обществ. мысли и политич. доктрины. И. интерпретировала и обыденные представления о прошлом, дающие материал для понимания историч. сознания общества, его отд. групп, степени и характера распространения историч. знаний, их влияния на обществ. практику. С обнаружением связи историч. концепций с обществ. практикой границы И. и истории обществ. мысли стали размываться. Это хорошо видно в трудах П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» (1897), Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (т. 1–3, 1914–17) и др. В них исследования историков представлены как явление обществ. мысли, а в ряде случаев – даже политич. мысли.

Изменение обществ. умонастроений в 20 в. привело к тому, что историч. наука стала рассматриваться как явление социально-политическое. Тема классовой борьбы в историч. науке оказалась в конечном итоге центральной и соединилась с рассмотрением истории рус. историч. мысли как мысли общественной. Применение марксистского подхода к проблемам И. в упрощённой форме, не выходящей за пределы «экономического материализма», было осуществлено М. Н. Покровским в 1920-х гг. (его работы этого периода собраны в кн. «Историческая наука и борьба классов», вып. 1–2, 1933). Марксистская историч. мысль, зародившись в рамках европ. традиций, во всё более широких масштабах стала применяться в отеч. исследованиях,

а рос. наука в философском и теоретико-методологич. аспектах была поставлена в прямую зависимость от неё. Однако в 1920-х гг. ещё сохранялась и прежняя отеч. историографич. традиция: историографич. курсы (остались неизданными) читали С. В. Бахрушин, Н. Г. Бережков, Ю. В. Готье, И. П. Козловский, А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский; персонологические исследования об историках «старой школы» опубликовали С. В. Бахрушин, С. А. Голубцов, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков. Вплоть до нач. 1930-х гг. единственной работой общего характера, посвящённой И., оставалось «Введение в русскую историю: Источники и историография» В. И. Пичеты (1922). В ней рос. историч. наука 18 – нач. 20 вв. рассмотрена как история отд. школ и направлений.

В кон. 1920–1930-х гг. ряд политич. и репрессивных акций сов. правительства ([«Академическое дело»](#), публикация в 1931 в ж. «Пролетарская революция» письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма») вызвали усиление «борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной» И., политизацию историч. науки и вульгаризацию принципов анализа в историографич. исследованиях, превратив их в историко-идеологич. принципы. В кон. 1930 – нач. 1940-х гг. критика работ М. Н. Покровского и его школы, наметившийся в идеологич. сфере переход от идей пролетарского интернационализма к идеям сов. патриотизма имели своим следствием обращение к наследию дореволюц. историч. науки. Учебный курс Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941) впервые в сов. эпоху дал развёрнутое представление о развитии отеч. историч. мысли, в нём были прослежены все этапы развития науч. знания – от летописания до 1930-х гг. Его курс и учебник «Источниковедение истории СССР» М. Н. Тихомирова (1940) инициировали и науч. разработку историографич. проблематики.

Интерес к И. значительно усилился в сер. 1950-х гг., что было результатом «оттепели» в сов. историч. науке. В 1958 по инициативе В. П. Волгина, М. Н. Тихомирова и М. В. Нечкиной создан Науч. совет по проблеме «История исторической науки» при Отделении историч. наук АН СССР (руководители: Тихомиров в 1958–61, Нечкина в 1961–85, И. Д. Ковальченко в 1985–95, А. Н. Сахаров – с 1996), который координировал историографич. деятельность отеч. учёных, организуя всесоюзные и региональные историографич. конференции, «историографические среды» и пр. В

1965 начато издание историографич. ежегодника «История и историки» (с 2001 – историографич. вестник «История и историки» под ред. А. Н. Сахарова).

Осуществлена публикация библиографии «История исторической науки в СССР» (т. 1, 1965, т. 2, 1980).

Значит. явлением стали обобщающие труды и учебники по досоветскому периоду развития историч. науки Н. Л. Рубинштейна (1945), Л. В. Черепнина (1957), С. Л. Пештича (1961), А. Л. Шапиро (1962, 1982), В. Н. Котова (1966), А. М. Сахарова (1978), учебник под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева (1961). Значительно слабее была представлена учебная И., посвящённая 20 в., – фактически единственным обобщающим учебником по сов. И. была «Историография истории СССР. Эпоха социализма» под ред. И. И. Минца (1982); кроме него был опубликован только ряд учебных пособий очеркового характера. Работа по науч. изучению истории историч. науки сосредоточилась в секторе историографии Ин-та истории АН СССР (с 1968 Ин-т истории СССР АН СССР, с 1992 [Российской истории институт](#)). Были подготовлены и изданы «Очерки истории исторической науки в СССР» (по досоветской И. – т. 1–3, 1955–1963; по истории историч. науки сов. периода – т. 4, 1966, т. 5, 1985).

С кон. 1980-х гг. начался новый этап в развитии И. Он был вызван снятием запрета на исследование ряда тем, открытием доступа к ранее закрытым архивным фондам, отказом от офиц. канона предшествовавших лет.

В фокусе исследовательских интересов оказались: весь спектр идейных течений, школ и направлений отеч. И., филос.-историч. и социально-политич. мысли; феномен научной школы в исторической науке; деятельность и творчество историков-эмигрантов и репрессированных учёных; проблема реальных взаимоотношений историч. науки с её социально-политическим и идеологич. контекстом. Опубликованы историографич. сб-ки: «Россия в XX веке: историки мира спорят» (1994), «Исторические исследования в России: тенденции последних лет» (1996), «Россия в XX в.: судьбы исторической науки» (1996), «Историческая наука России в XX в.» (1997), «Историческая наука на рубеже веков» (2001), «Исторические исследования в России: семь лет спустя» (2003). Сделаны первые опыты целостного описания больших периодов развития историч. науки («Историография истории России до 1917

года», т. 1–2, 2003; «Очерки истории отечественной исторической науки», 2005).
Методологическим и источниковедч. проблемам посвящены работы А. В. Антощенко, В. Ю. Афиани, Н. В. Иллерицкой, Б. Г. Могильницкого, М. П. Мохначёвой, Г. П. Мягкова, А. Н. Сахарова, С. В. Чиркова, С. О. Шмидта. Предприняты попытки определить суть феномена «советская историческая наука» (коллективный труд учёных Рос. гос. гуманитарного ун-та «Советская историография», 1996; работы Н. Е. Копосова, Л. А. Сидоровой и др.), а также проанализировать процесс формирования концепции рус. истории, сложившейся в сов. историографии.

В 1990–2000-е гг. вновь опубликованы историографич. труды К. Н. Бестужева-Рюмина, Г. В. Вернадского, Н. И. Кареева, М. О. Кояловича, П. Н. Милюкова. Изданы и переизданы работы, мемуары, дневники, письма историков 19–20 вв.:

Н. П. Анциферова, А. Н. Афанасьева, И. Д. Беяева, М. М. Богословского, С. К. Богоявленского, С. Н. Валка, А. Д. Градовского, С. С. Дмитриева, Н. М. Дружинина, И. Е. Забелина, А. М. Зайончковского, Д. И. Иловайского, К. Д. Кавелина, Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. К. Любавского, Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова, А. Н. Пыпина, С. Ф. Платонова, Б. Н. Чичерина, А. А. Шахматова, С. Д. Шереметева, Е. Ф. Шмурло и др. Вышли в свет собрания сочинений (близкие к полным собраниям сочинений) В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва.

Совр. науч. этап характеризуется серьёзной историографич. рефлексией. Итоги подводят историки разных науч. школ и направлений. Фактически создаётся коллективный портрет историков России 20 в. (напр., «Историки России, XVIII – начало XX вв.», 1996; Пряхин А. Д. «Археологи уходящего века», 1999; «Историки России. Послевоенное поколение», сост. Л. В. Максакова, 2000).

Борьба направлений в историч. науке, вызванная разл. мировоззренческими позициями учёных, во всё большей степени связывается в И. с индивидуальным опытом историка, его биографией, социальной позицией. Индивидуальность, личность историка всё чаще вовлекаются в историографич. рассмотрение. Предметом исследования становится и сообщество историков в целом, в его общности и противоречивости.

При безусловном доминировании жанра биографий и автобиографий сохраняет свои позиции и проблемная И. Она не всегда вписывается в общий историографич. контекст, но, как правило, даёт материал для историографич. обобщения и, кроме того, создаёт предпосылки для развития библиографич. и биографич. направлений в историографии.

Рос. И. характеризуется стремлением синтезировать достижения как отеч., так и зарубежной науки. Преодоление монополии марксистской методологии в историч. исследованиях стимулирует развитие И. Наряду с модернизацией марксистского метода в историч. науке, в совр. И. развиваются цивилизационный, многофакторный и иные исследовательские подходы. Помимо Москвы и С.-Петербурга, академич. ин-ты и ун-ты которых традиционно много внимания уделяют изучению И., успешно работают региональные науч. центры в Томском, Казанском и др. ун-тах.

На развитие предмета И. в совр. условиях значит. влияние оказывает науковедение, направляющее науч. интерес не к готовому, оформленному знанию, а к способам получения и проверки этого знания. В самостоят. область рассмотрения выделяются и вопросы теории и методологии И.: предмет И., историографич. источник, историографич. факт, границы историографич. анализа в междисциплинарном пространстве, принципы периодизации познавательного историч. процесса, основания взаимодействия разл. национальных школ и традиций и т. д.

Литература

Научная европейская историография 19–20 вв. Лит.: Baraclough G. Turning points in world history. L., 1979; Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Другие средние века. М., 2000; Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001; Образы историографии. М., 2001; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. 2-е изд. М., 2004; «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. М., 2005; Iggers G. G. Historiography in the twentieth century. Middletown, 2005; Тойнби А. Постижение истории. М., 2006; Историческая наука в XX в. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2007.

Российская историография. Лит.: Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983; Дмитриенко В. А. Введение в историографию и источниковедение истории науки. Томск, 1988; Колесник И. И. Развитие историографической мысли в России XVIII – первой половины XIX в. Днепропетровск, 1990; Могильницкий Б. Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Попова Т. Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Российские университеты в XIX – начале XX в. Воронеж, 1996. Вып. 2; Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Беленький И. Л. Русская история в XIX – начале XX в.: трансформация историографических представлений в советскую и постсоветскую эпохи // Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы. М., 2000. Ч. 1; Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических исследований. Екатеринбург, 2000; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Корноухова И. А. Историографические модели исторической науки конца XIX – начала XX вв. // История мысли: Историография. М., 2002; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003; Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. СПб., 2004; Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. Рубеж XXI в. // Сахаров А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004; Иллерицкий В. Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М., 2006.